

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH202427-439>

Исследовательская статья

Штыбин Виталий Владимирович
магистр исторических наук, аспирант
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
v.shtybin@yandex.ru

МОЛИТВЕННЫЕ КРЕСТЫ-ДЖОРЫ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ-ШАПСУГОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ МАЭ РАН

Аннотация: Исследования гибридных и синкретических культов причерноморских адыгов-шапсугов неминуемо сталкиваются с вопросом интерпретации моленных крестов-джоров причерноморских адыгов-шапсугов, как ритуальных элементов ушедшей традиции. По форме эти кресты делятся на три варианта: Т-образный, У-образный и византийско-кавказский христианский. Первый и последний варианты были известны как минимум с XVIII в., когда они впервые появились в описаниях путешественников. Однако, Т-образный вариант присутствует только в текстовых описаниях, тогда как почти все рисунки изображают византийско-кавказские христианские кресты. У-образные кресты стали известны исследователям с 1930-х годов, когда их обнаружили этнографические экспедиции, но в силу политической конъюнктуры им была дана чересчур однозначная оценка «языческих фетишей», после чего они были помещены в запасники музеев, где на долгое время выпали из поля зрения академической науки. Обновленная интерпретация позволила взглянуть на моленные кресты-джоры с другой стороны. Автор рассматривает различные интерпретации их символики в рамках сакральных нарративов народного христианства, долгое время сохранявшихся в культуре причерноморских адыгов-шапсугов. Также в настоящей статье впервые представлена интерпретация известного у черкесов (адыгов) в прошлом жезла *таши* из Национального музея Адыгеи как объект ошибочно атрибутированный как крест-джор. В ряду источников автор опирается на хранящиеся в МАЭ РАН образцы крестов-джоров, а также сделанные в 1939 г. Евгением Шиллингом и Сергеем Токаревым в Причерноморской Шапсугии фотографии, впервые вводимые в научный оборот с разрешения МАЭ РАН.

Ключевые слова: Этнография; обряды; Северный Кавказ; адыги; черкесы; народное христианство; джоры; крест; история Кавказа; МАЭ РАН; культурная антропология

Для цитирования: Штыбин В.В. Молитвенные кресты-джоры причерноморских адыгов-шапсугов: по материалам МАЭ РАН // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 2. С. 427-439. doi.org/10.32653/CH202427-439

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH202427-439>

Research paper

Vitaly V. Shtybin,
Master of History, Postgraduate
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
v.shtybin@yandex.ru

PRAYER CROSSES-*JORS* OF THE BLACK SEA ADYGES-SHAPSUGS: BASED ON THE MATERIALS OF THE MAE RAS

Abstract. Research into the hybrid and syncretic cults of the Black Sea Adyghe-Shapsugs inevitably faces the issue of interpretation of the prayer crosses-*jors* as ritual elements of a bygone tradition. These crosses come in three forms: T-shaped, Y-shaped, and Byzantine-Caucasian Christian. The first and last types have been documented since at least the 18th century through travelers' descriptions. The T-shaped variant, however, is only mentioned in texts, while almost all drawings depict Byzantine-Caucasian Christian crosses. Y-shaped crosses were identified by researchers in the 1930s during ethnographic expeditions. Initially, they were simplistically categorized as "pagan fetishes" due to the political context, leading to their neglect in museum storage and academic study for many years. A revised interpretation provides a fresh perspective on the prayer crosses-*jors*. This article explores various interpretations of their symbolism within the sacred narratives of folk Christianity, which have been preserved in the culture of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. Additionally, the article offers a new interpretation of the well-known tapshi staff among the Circassians (Adyghe), which had been erroneously identified as a cross-*jor*. The author draws on samples of crosses-*jors* stored in the MAE RAS and photographs taken in 1939 by Evgeny Shilling and Sergey Tokarev in the Black Sea Shapsugia. These photographs are introduced into scientific circulation for the first time with the permission of the MAE RAS.

Keywords: ethnography; rituals; North Caucasus; Adyghe; Circassians; folk Christianity; *jors*; cross; history of the Caucasus; cultural anthropology

For citation: V.V. Shtybin. Prayer crosses-*jors* of the Black Sea Adygs-Shapsugs: based on the materials of the MAE RAS. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 2. P. 427-439. doi.org/10.32653/CH202427-439

Первые научные описания деревянных молитвенных крестов-*джоров* или *джюоров*, *джуоров*, в прошлом использовавшихся адыгами-шапсугами Черноморского побережья Кавказа, были сделаны исследователями-путешественниками XVI в. и продолжались вплоть до 1930-х годов. В подавляющем числе они описывают *джоры*, как Т-образные деревянные конструкции около 2 м высотой, стоящие рядом или прислоненные к священным деревьям, которые несли функцию сакральных локусов различных ритуалов, преимущественно связанных с вызыванием дождя [1, с. 31; 2, с. 53; 3, с. 50; 4, с. 477]. Однако, уже в XIX в. в описаниях «*джоров*» мы встречаем некоторые противоречия. Например, французский путешественник Тебу де Мариньи в начале XIX в. описывает их, как Т-образные, но на его собственных рисунках мы видим кресты византийско-кавказского типа, длинные центральные части которых с острым основанием перекрываются трёхконечным перекрестьем, имеющим овальные расширенные ветви [5, с. 10, рис. 83; 6, с. 59–63].

Как Т-образные кресты *джоры* описывают и другие исследователи того же периода – Л. Люлье и Э. Спенсер [1, с. 31; 7, с. 51], а византийско-кавказскими они зафиксированы на рисунках и в описаниях Дж. Белла [4, с. 91–92].

В 1930-е годы, с началом активных этнографических экспедиций в Причерноморскую Шапсугию, появились новые дополнительные свидетельства о крестах-*джорах*, которые, однако, еще более запутали ситуацию. Исследования, проведенные Л. Лавровым, оставили нам подробные описания форм крестов-*джоров* и связанных с ними ритуалов, а экспедиции Е. Шиллинга и С. Токарева в 1939 г. удалось найти последние сохранившиеся молитвенные кресты-*джоры*, которые имели Y-образную форму [8, с. 97–98; 9, с. 94–95].

Исследователи предпочитают видеть в Т-образных крестах устаревшую или редуцированную форму византийско-кавказского креста, либо вовсе не считают поздние кресты христианскими и видят в них древний фетиш [10, с. 106, 407; 11, с. 200, 209; 12, с. 347]. Безусловно, версия о фетише имеет право на существование, поскольку в древности встречается немало следов Т-образной символики, связанной с идеей мирового древа. Мы не можем подтвердить или опровергнуть такое мнение, поскольку не располагаем достаточной информацией о распространении такой символики на Северо-Западном Кавказе, за исключением крестов, похожих на греческий или юстинианов крест у меотов и зихов в дохристианские времена [10, с. 400; 13, с. 104–106, 186–187]. Тем не менее, такое мнение, помимо явного влияния идеологии атеизма, страдает упущениями [14, с. 111]. Л. Лавров также упоминает, что это последние сохранившиеся *джоры*, привезённые экспедицией Шиллинга, и четко отличает их от обычных хозяйственных вил, на которые они похожи по форме. Сам Шиллинг считал, что именно трехконечные кресты были наиболее распространены в черкесской (адыгской) среде [9, с. 94–95; 11, с. 200; 12, с. 347].

Важно также отметить этимологию названия крестов – *джоры*, имеющую явно грузинские корни. Черкесское (адыгское) слово «*джор*» происходит от грузинского ჯვარი («*джвари*») в значении «крест» [15, с. 81]. И в этом смысле мы можем констатировать явную связь термина с источником распространения христианства в лице грузинских проповедников. Однако, это никак не объясняет Y-образную форму самих крестов.

С распространением христианства в VI–X вв. Северо-Западный Кавказ в духовном отношении подчинялся четырем епархиям, епископы которых назначались

Византией – Фанагории, Метрахе (Таматархе, Тамани), Зихополису и Никопсии. В то же время Абазгийская епархия, существовала на территории Абхазии и части современного Сочи. Кафедра её находилась в древнем городе Себастополесе (Сухум), а крупным опорным центром считался Питиунт (Пицунда). Этим периодом можно отметить появление первых нательных крестов и христианского обряда погребения на Черноморском побережье Кавказа [13, с. 78].

С периодом X–XII вв., исходя из письменных источников и археологических материалов, принято связывать наиболее широкое распространение христианства на Северо-Западном Кавказе [12, с. 22; 13, с. 65, 114–115, 118]. В это время появляется большинство христианских церквей Черноморского побережья в долине реки Мзымта, в Лоо (перестроенная из более ранней) и Хосте, у рек Годлик, Нечепсухо, между Пшадой и Новороссийском. Большая их часть не сохранилась [11, с. 115].

В XI в. Северо-Кавказские христианские кафедры разделились и центром Зихийской архиепископии стал Никопсис. Предки черкесов (адыгов), а также аланы, подверглись в эти века влиянию Грузинской Православной Церкви [11, с. 99–100; 13, с. 74–75, 221–222; 14, с. 98; 15, с. 81; 16, с. 109; 17, с. 151]. Возможно, с этим влиянием связано распространение христианских некрополей между реками Шахэ и Псоу [18, с. 27]. По той же логике, с распространением этого влияния в языки местных сообществ проникала грузинская религиозная терминология, точно также, как это произошло с абхазским языком [19, с. 50–51]. Вероятно, в этот период христианские кресты и напоминающие их по форме сакральные объекты, получили устойчивую связь с термином «джор».

В XIII в. Северный Кавказ подвергся монгольскому нашествию. В этот период исчезла объединенная Абазгско-Зихская епархия, и возросла роль новой Зихско-Матраховской, возведенной затем из архиепископии в ранг митрополии [13, с. 81; 15, с. 81].

В XII–XIII вв. на Черноморском побережье к югу от реки Туапсе появляются кочевники, в которых археологи видят либо предков равнинных черкесов (адыгов) – «касогов», либо половцев. Под влиянием монгольского нашествия в степи, культура их распространяется в регионе как минимум до реки Аше, а более всего она представлена между Анапой и Джубгой ещё с XI в. [20, с. 60–62]. Возможно, она встречается и дальше на восток, но археологи пока слабо изучили регион Сочи. С ними вместе разрозненные культовые практики населения Черноморского побережья Кавказа впервые полностью унифицировались и наиболее сильно подверглись влиянию христианства. Это видно по погребениям, в которых с XIII по XIV в. обряды изменяются на близкие к христианским по форме погребения с захоронением в земле (ингумации) под небольшим курганом [21, с. 198–213].

В 1318 г. упоминается самостоятельный митрополит Зихии с титулом «Зихо-Матархского», но падение Византии под ударами крестоносцев и последующий переход акватории Чёрного моря в руки итальянских купцов (а еще позже османов) привели к разрыву связей с православной митрополией [11, с. 347].

Свидетельства о духовных лицах и остаточных ритуалах православного христианства встречаются среди черкесов (адыгов) вплоть до XVI–XVII вв., например, в форме священных книг, превратившихся в фетиши, или отдельных реликтов обычаев, сохранившихся до сих пор [13, с. 98–99].

В более ранних работах мною уже высказывалась версия о том, что Y-образная форма крестов-джоров может быть связана с влиянием католицизма, который

распространяли на Северо-Западном Кавказе, в том числе на Черноморском побережье, миссионеры францисканского ордена из расположенных тут же генуэзских и византийских колоний. Об этом косвенно говорит как сама история распространения францисканцами католицизма на Кавказе, основным символом которых был и остается по сей день Т-образный крест с его природным «языческим» контекстом, так и наличие Y-образной формы креста у францисканцев в XIV–XV вв., в эпоху наибольшей активности католического миссионерства среди кавказских народов [8, с. 95–100].

В середине XIV в. в Матрахе (Тамани) появилась католическая епархия, получившая название по итальянскому названию города Матрегской и расширившая пределы уже основанной в Крыму Папой Римским Иоанном XXII Каффской епархии в 1320 г. Первым архиепископом Матреги стал францисканец Иоанн, черкес (адыг) по происхождению, который, будучи невольником в Италии, принял католичество и был освящен в сан лично Папой Римским Климентом VI в 1346 (или 1349) г. в Авиньоне. В то время в Зихии (Черкесии) уже действовал архиепископ и два доминиканских епископа от Каффской епархии, успешно обратившие в католичество зихского князя Верзахта и Керченского (Воспоро) начальника черкеса (адыга) Миллена, которые в свою очередь распространяли католичество среди соседей и подданных. В Кафе и Копе действовали монастыри и миссионерские школы. Распространению католичества помогал запрет грекам (православным) держать рабов, перешедших в католическую веру. Известно, что рабов этих порой заставляли менять веру насильно [11, с. 31–32; 13, с. 93; 14, с. 177; 15, с. 81; 22, с. 13–15].

В ту же эпоху археологи наблюдают изменение форм двурогих стрел в Абхазии, где также активно действовали католические проповедники, размер которых (увеличение до 2 м.) свидетельствовал о явных изменениях формы в пользу сакрализации функции [8, с. 101–102].

Однако, что касается Т-образных крестов, то здесь версия католического влияния может быть учтена лишь как дополнительная, позволяющая говорить о соотносительности ее с весьма распространенным сакральным символом на Кавказе.

Дальнейшие изыскания позволили дополнить исследование редкими материалами, которые в настоящей статье впервые вводятся в научный оборот.

Речь идет о фотокарточках из коллекции Музея антропологии и этнографии РАН, сделанных во время этнографической экспедиции Е. Шиллинга и С. Токарева в аул Тхагапш Лазаревского микрорайона города Сочи¹ в 1939-м г. [8, с. 29–30, 86–87, 91], публикуемых с разрешения руководства МАЭ РАН, по официальному договору о публикации, заключенному с автором в 2022 г.

На рис. 1, 2 мы видим сложенные друга на друга вертикально Y-образные кресты-джоры, два из которых были отобраны Е. Шиллингом и С. Токаревым для передачи в фонды МАЭ РАН. На рис. 2 рядом с ними стоит мужчина, благодаря которому мы можем оценить высоту этих артефактов, равную среднему мужскому росту. Благодаря описаниям коллекции, мы знаем, что высота двух отобранных объектов составляла 230 и 196 см соответственно.

На рис. 3 два отобранных для коллекции креста-джора стоят у основания священного дуба, в той позиции, в какой они использовались для проведения ритуалов *Тхатлеу* [23, с. 26, 39–40]. Вероятно, поверхность некоторых из них использовалась для

1. В 1939 г. аул имени Кирова в составе Шапсугского национального района Краснодарского края. По-адыгски он всегда назывался Тхьэ́гъапш, что означает «Под Богом» или «Божья поляна».

накалывания поджаренных частей жертвенных животных². На рис. 4 мы видим вбитые в дерево груши два металлических элемента, верхний из которых представляет собой вилку для накалывания частей жертвенного животного, а нижний – это небольшой трехконечный крест с утолщениями на концах, похожий по типологии на византийско-кавказский тип, какой встречается на упомянутых выше изображениях путешественников XIX в.³

Таким образом, в сакральной символике причерноморских адыгов-шапсугов мы также видим сочетание двух символов Y-образного и византийско-кавказского крестов, в то время как упоминаемых устно T-образных крестов не встречаем. Такое сочетание вполне соотнобразуется со свойственной народному христианству черкесов (адыгов) синкретической формой сакральных предметов, в которых христианская символика обретает свой собственный смысл. Он может быть связан с символом «молнии-грома Шибле» в Y-образной форме – на это нам намекает сам культ молитвы под священным деревом, вне зависимости от наличия, либо отсутствия креста-джора под ним, чаще всего посвященный вызову дождя, либо обращению за покровительством непосредственно к главному божеству Тха, выступавшему у причерноморских адыгов-шапсугов также и в роли громовержца [11, с. 225; 16, с. 45; 24, с. 55].

До недавнего времени путаницу в интерпретацию крестов-джоров вносил еще один артефакт. В фондах Национального музея Республики Адыгея хранится экспонат, описываемый как «крест с роговилкой для приношения времен исповедания черкесами христианства».

Описание экспоната сообщает, что крест датирован XVII в. и был найден «в 5 верстах от а. Ачуй на север, на горе Кохутх, вблизи домика Колихо, в старом аулице Нашх». Мы можем установить это место, как окрестности современного аула Агуй-Шапсуг в Туапсинском районе Краснодарского края. К востоку от него действительно есть местечко Колихо, где когда-то находились аулы черкесов (адыгов), уничтоженные в 1862–64 гг. на завершающих этапах Кавказской войны. Однако, экспонат был описан, самое позднее, в начале XX в. и с тех пор находился в запасниках музея. Каких-либо уточнений к его атрибуции сегодня не сохранилось, не знают о нем подробностей и сотрудники музея.

Пристальное исследование фотографии экспоната показало, что перед нами классический *тапши*, похожий на абхазские посохи с металлическим наконечником *алабашья*.

Из описаний католических миссионеров на Кавказе XVI в. и черкесского (адыгского) исследователя начала XIX в. Султана Хан-Гирея известно, что в прошлом черкесы (адыги) вешали кресты на деревьях, которые высаживали рядом с церквями, после чего такие деревья называли «Древом Господним». Таким образом, храм становился святым местом лишь при наличии рядом с ним священного дерева. Рядом с этой сакральной территорией в землю втыкались деревянные шесты, наподобие пастырских жезлов, называемые тапши. Перед ними снимали шапку, поклонялись

2. Обычно причерноморские адыги-шапсуги в качестве жертвенных животных для ритуалов выбирали козлов с темным оттенком шерсти, что несколько выбивалось из общей адыгской (черкесской) практики использования животных со светлой шерстью. В качестве приносимых в жертву внутренностей заколотого животного чаще всего использовались сердце и печень [10, с. 165; 13, с. 52–53, 112].

3. Описание экспонатов коллекции сделано как на основании представленной к фотографиям атрибуции МАЭ РАН, так и из описания коллекции экспонатов экспедиции 1939 года, сделанной научными сотрудниками музея [9, с. 13].

и молились. Со временем термин *таши* перерос в *тххашь*, которым, по словам Султана ХанГирея, обозначали территориальную общину со своим управлением и судом, что приблизительно равнялось понятию прихода, где место церкви заменяла священная роща. Исследователи предполагают, что слово *таши* может быть производным от латинского *daps, dapis* – «торжественная, культовая трапеза» [25, с. 11–12, 19–20]. Подобного рода посохи по сей день известны в абхазской культуре, как *алабашья*, в том числе в качестве «национальной и государственной» символики. Они представляют собой деревянный посох с железным наконечником и скобы на верхнем конце в виде естественного ответвления. *Алабашья* делается из тщательно обработанной молодой ели, клена, красного дерева или кизила. В прошлом главы родов на родовых сходах в знак своего достоинства держали в руках или опирались на *алабашья*, которые также передавались по наследству, как родовые реликвии [26].

Таким образом, в представленном в Адыгейском национальном музее объекте мы можем видеть уникальный экземпляр сакрального объекта родовой⁴ власти *таши*, функционально схожий с абхазским *алабашья*, а вовсе не крест-джор для поклонений.

Вопрос интерпретации символических свойств и функций крестов-джоров все еще остается дискуссионным. Открытие и анализ экспонатов, найденных в начале XX в., пока еще было живо последнее поколение причерноморских адыгов-шапсугов, заставших прежние культурные традиции, искажившиеся или исчезнувшие после мухаджирства большинства их носителей в Османскую империю в 1860-е годы, позволяет переосмыслить значение сакральных локусов, объектов и ритуалов, символическую сеть смыслов и мировоззрение причерноморских адыгов-шапсугов. Найденные экспедицией Е. Шиллинга и С. Токарева в 1939 г. экспонаты не могли быть полноценно интерпретированы в силу давления на исследователей политической конъюнктуры того времени. Сегодня эти полузабытые экспонаты, хранящиеся в запасниках музеев, позволяют вновь открыть их для академической науки в свете современных знаний и взглянуть на этнографическую и онтологическую картину черкесов (адыгов) взглядом, очищенным от внешних установок, выдвигая и проверяя гипотезы, которые ранее казались маргинальными, либо политически неудобными.

В образе крестов-джоров мы видим сложное сочетание сакральных смыслов, в которых пришедшая из грузинского религиозного нарратива этимология, переплетается с известными смысловыми структурами и значениями этих крестов, свойственными народному христианству предков причерноморских адыгов-шапсугов. При этом остается открытым вопрос о причинах Y-образной формы этих сакральных объектов культа, которая может в равной мере объясняться как привычной гипотезой «языческого фетиша», высказанной Л. Лавровым и Е. Шиллингом в 1930-50-е годы, так и гипотезой позднейшего наслоения заимствованной у францисканских католических миссионеров сакральной формы, которая подкрепляется свежими открытиями генезиса формы креста францисканского ордена в период расцвета католической миссии на Кавказе [8]. Доказать или опровергнуть эти гипотезы мы сможем после установления полной исторической картины религиозных влияний на представления о сакральном причерноморских адыгов-шапсугов.

4. Судя по описанию Султана Хан-Гирея, это был символ и пастырской власти тоже.

Рис. 1. Молельные кресты-джоры. Район аула Тхагапш (Кирова).
Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 1. Prayer crosses-jors near the aul of Thagapsh.
Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 2. Молельные кресты-джоры и местный житель. Район аула Тхагапш (Кирова).
Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 2. Prayer crosses-jors and a local resident near the aul of Thagapsh.
Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 3. Молельные кресты-джоры под священным дубом. Район аула Тхагапш (Кирова).
Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 3. Prayer crosses-jors under a sacred oak near the aul of Thagapsh.
Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 4. Металлические вилка и крест в ветке грушевого дерева. Район аула Тхагапш (Кирова). Источник: ©МАЭ РАН 2022 (Оригинал фото – 1939 год)

Fig. 4. Metal fork and a cross in the branch of a pear tree near the aul of Thagapsh. Source: © MAE RAS 2022 (Original photo – 1939)

Рис. 5. Крест с роговilkой. XVII в. Металл,ковка. Длина 127 см. Национальный музей Республики Адыгея, г. Майкоп. № Госкаталога 22266067

Fig. 5. Cross with a forked finial, 17th c. Metal, forged. Length – 127 cm. National Museum of the Republic of Adygea, Maykop. State Catalog No. 22266067

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи // Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 4. – 47 с.
2. де Монпере Ф. Дюбуа. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму: Перевод с английского / В. М. Аталикова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. С. 84–264.
3. Хан-Гирей С. Избранные труды и документы. Нальчик: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. – 672 с.
4. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии: Перевод с английского / К. А. Мальбахов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. Т. 2. – 407 с.
5. Народы Кавказа / Под ред. М. О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 1. – 589 с.
6. Хлудова Л.Н. Христианские памятники Северного Кавказа в графике и живописи конца XVIII–XIX вв. (к постановке проблемы) // Альманах «Теодицея»: Сборник статей. Пятигорск, 2010. № 1. С. 59–63.
7. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2008. – 256 с.
8. Штыбин В.В. Влияние католицизма на традиционную форму молитвенных крестов причерноморских адыгов-шапсугов. Владикавказ: Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых, 2021. № 26. С. 90–105.
9. Ботяков Ю.М. Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 2006. Т. 52. С. 81–95.
10. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 496 с.
11. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.
12. Гревенс Н.Н. Культурные предметы адыгейцев и осетин // Ежегодник музея истории религии и атеизма. О преодолении религии в СССР: Сборник научных трудов. – М., СПб., 1961. Вып. V. С. 339–348.
13. Чамокова С.Т. Религиозные верования адыгов: генезис, динамика развития IV–XVI вв. (историко-социологический аспект). Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2013. – 188 с.
14. Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2017. – 544 с.
15. Остапенко Р.А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников // Наследие веков: Сборник статей. Краснодар, 2019. №1. С. 78–97.
16. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. Отд. 2. – 92 с.
17. Хрушкова Л.Г. Распространение христианства в Колхиде: письменные источники и свидетельства

REFERENCES

1. Lulye LYa. Circassia. Historical-ethnographic articles. *Materials for the history of the Circassian people*. Issue 4. Krasnodar, 1927. (In Russ)
2. de Monpere F. Dubois. *Journey around the Caucasus among the Circassians and Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia, and Crimea: Transl. V.M. Atalikov*. Nalchik: El-Fa Publ., 2002: 84–264. (In Russ)
3. Khan-Girey S. *Selected works and documents*. Nalchik: JSC “Polygraph-YUG”, 2009. (In Russ)
4. Bell J. *Diary of a stay in Circassia. Transl. K.A. Malbakhov*. Vol. 2. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2016. (In Russ)
5. *Peoples of the Caucasus. Vol. 1. Eds. M.O. Kosven, L.I. Lavrov, G.A. Nersesov, Kh.O. Khashaev*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. (In Russ)
6. Khlyudova L.N. Christian monuments of the North Caucasus in graphics and painting of the late 18th–19th centuries (setting the problem). *Almanac “Theodicy”: Collection of articles*. Pyatigorsk, 2010, 1: 59–63. (In Russ)
7. Spencer E. *Description of travels in the Western Caucasus in 1836*. Nalchik, 2008. (In Russ)
8. Shtybin VV. The influence of Catholicism on the traditional form of prayer crosses of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. *Proceedings of SOIGSI. Young Scientists School*. 2021, 26: 90–105. (In Russ)
9. Botyakov YuM. Archival and illustrative materials of E.M. Shilling on the traditional beliefs of the Adyghe from the collection of MAE. *Cultural heritage of the peoples of Central Asia, Kazakhstan, and the Caucasus*. Saint-Petersburg, 2006, 52: 81–95. (In Russ)
10. Shortanov AT. *Adyghe (Circassian) mythology and cults*. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2016. (In Russ)
11. Lavrov LI. *Selected works on the culture of Abazins, Adyghe, Karachais, Balkars*. Nalchik, 2009. (In Russ)
12. Grevens NN. Cult objects of the Adyghe and Ossetians. *Annual of the Museum of History of Religion and Atheism. On overcoming religion in the USSR: Collection of scientific works*. Moscow, Saint-Petersburg, 1961, 5: 339–348. (In Russ)
13. Chamokova ST. Religious beliefs of the Adyghe: genesis, development dynamics in IV – XVI centuries (historical–sociological aspect). Maykop: Adyghe State University Publ., 2013. (In Russ)
14. Khotko SKh. Circassia: genesis, ethno-political connections with countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI centuries). Maykop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2017. (In Russ)
15. Ostapenko RA. Elements of Christianity in the culture of the Adyghe according to ethnographic, linguistic, and archaeological sources. *Nasledie vekov: Collection of Articles*. Krasnodar, 2019, 1: 78–97. (In Russ)
16. Stal KF. Ethnographic sketch of the Circassian people. *Caucasian Collection*. 1900, Vol. 21. Part 2. (In Russ)
17. Khrushkova LG. The spread of Christianity in Colchis: written sources and testimonies of monuments. *Orthodoxy in the history and culture of the North Caucasus: issues of source study and historiography. Proceedings of the VII International St. Ignatius Readings: Collection*

памятников // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений: Сборник статей. Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2017. Вып. I. С. 126–173.

18. Василенико Д.Э., Пьянков А.В., Хушт М.А. К вопросу о типологии и времени бытования железных крестов византийско-кавказского типа // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы VII Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I: сборник статей. Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2017. С. 14–25.

19. Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Акадак: ежегодное моление линдзавцев (I.-XLVI.) // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. Вып. 4. С. 19–333.

20. Нечипорук А.А. Средневековые курганы на селище Мухортова Поляна 2 // Археологическое наследие: материалы и интерпретации: Сборник статей. Владикавказ, 2019. С. 33–66.

21. Пьянков А.В. Касоги – Касахи – Кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани: Сборник статей. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 198–213.

22. де Галонифонтибус И. Сведения о народах Кавказа // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Составитель В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 13–15.

23. Штыбин В.В. Священные места и гибридные культы причерноморских адыгов-шапсугов // Магистерская диссертация. Кубанский государственный университет. Краснодар, 2021. – 114 с.

24. Рижский М. О культе Шибле у черкесов-шапсугов: материалы шапсутской экспедиции 1939 г. // Сборник научных студенческих работ. М., 1940. Вып. 7. С. 55.

25. Святые места абхазов и святыне места адыгов: сравнительнотипологическое исследование: монография // Гл. ред. А.Н. Соколова; Адыгейский государственный университет. Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2015. – 174 с.

26. Габниа С.С., Смыр Г.В., Чеснов Я.В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // Полевые исследования Института этнографии: 1982. М.: «Наука», 1986. С. 119–127.

of articles. Issue I. Stavropol: Publishing Center of StDS, 2017:126-173. (In Russ)

18. Vasilenko DE., Pyankov AV, Khusht MA. On the typology and time of existence of iron crosses of the Byzantine-Caucasian type. *Orthodoxy in the history and culture of the North Caucasus: issues of source study and historiography. Proceedings of the VII International St. Ignatius Readings. Collection of articles. Issue I.* Stavropol: Publishing Center of StDS, 2017: 14-25. (In Russ)

19. Kuznetsov IV., Kuznetsova RSh. Akadak: annual prayer of the Lindzavians (I.-XLVI.). *Archaeology and ethnography of the Pontic-Caucasian region.* Krasnodar: Kuban State University, 2016, 4: 19-333. (In Russ)

20. Nechiporuk AA. Medieval burial mounds at the settlement of Mukhortova Polyana 2. *Archaeological Heritage: Materials and Interpretations: Collection of Articles.* Vladikavkaz, 2019: 33-66. (In Russ)

21. Pyankov AV. Kasogi – Kasakhi – Kashaki of written sources and archaeological realities of the North-Western Caucasus. *Materials and research on the archaeology of Kuban: Collection of articles.* Krasnodar, 2001, 1: 198-213. (In Russ)

22. de Galonifontibus I. Information about the peoples of the Caucasus. In: V. Atalikov (comp.). *Caucasus: European Diaries of the XIII–XVIII centuries.* Issue III. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov, 2010: 13-15. (In Russ)

23. Shtybin VV. Sacred places and hybrid cults of the Black Sea Adyghe-Shapsugs. Master's thesis. Kuban State University. Krasnodar, 2021. (In Russ)

24. Rizhsky M. On the cult of Shible among the Circassian-Shapsugs: materials of the Shapsug expedition of 1939. *Collection of scientific student works.* Moscow, 1940, 7: 55. (In Russ)

25. Sanctuaries of the Abkhazians and holy places of the Adyghe: a comparative typological study: monograph. Chief ed. A.N. Sokolov. Adyghe State University. Maykop: Magarin O.G. Publ., 2015. (In Russ)

26. Gabnia SS., Smyr GV., Chesnov YaV. Ritual and ceremonial functions of Abkhazian staffs. *Field Research of the Institute of Ethnography: 1982.* Moscow: Nauka, 1986: 119-127. (In Russ)

Поступила в редакцию 14.08.2023 г.

Принята в печать 16.01.2024 г.

Опубликована 15.06.2024 г.

Received 14.08.2023

Accepted 16.01.2024

Published 15.06.2024